

Р.Ю. Виппер

Гибель европейской культуры

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Р11

Р11 **Р.Ю. Виппер**
Гибель европейской культуры / Р.Ю. Виппер – М.: Книга по Требованию,
2023. – 108 с.

ISBN 978-5-458-54675-1

ISBN 978-5-458-54675-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

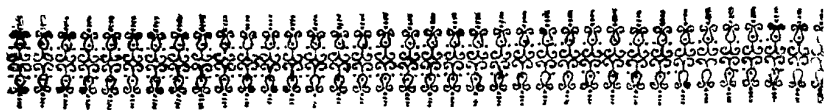

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

нутя лишь обломки. Старая Европа обратилась въ обширное кладбище, мы, пережившіе борьбу, ходимъ въ лохмотьяхъ. Однако мы вѣримъ въ возрожденіе. Откуда придетъ оно? Да вѣдь остались люди, не истреблена еще хорошая порода. Остался опытъ, сбереженный «солю земли». Цѣлая половина челоѡчества почти не затронута злыми теченіями современности, именно та, которая была въ небреженіи, которую отодвинула заносчивость и непримиримая прямолинейность представителей другой половины. Женщины могутъ еще принести свои свѣжія силы, свою неиспорченную вѣру въ достоинство челоѡка.

Въ будущемъ, если культура вообще выживетъ, она приметъ какой-то иной видъ. Разумѣется, нашъ глазъ слишкомъ слабо вооруженъ, чтобы опредѣленно предсказывать; наше предвидѣніе, безъ сомнѣнія, болѣе всего пропитано нашими желаніями. Но, можетъ быть, найдется зерно истины и въ этихъ желаніяхъ нашихъ. Можетъ быть, поколѣнія, которыя начнутъ строить новую жизнь, будутъ мягче, чѣмъ были мы, но въ то же время самобытнѣе. Можетъ быть, они менѣе, чѣмъ мы, будутъ стремиться къ исключительному господству и, напротивъ, лучше, чѣмъ мы, сумѣютъ защищать свою независимость.

СУДЬБА БЕЛЬГИИ.

Героизмъ и трудъ.

Была въ древности знаменитая династія Цезарей, которая построила господство свое на жестокихъ кровопролитіяхъ, опустошительныхъ войнахъ и тяжкихъ народныхъ бѣдствіяхъ. Послѣдніе выродившіеся представители этого дома впали въ своеобразную форму сумасшествія, получившую названіе Цезарева безумія. все было имъ мало крови, мало истребленія и разрушенія, все хотѣлось еще больше крушить и уничтожать. Въ памяти исторіи осталось имя Калигулы, какъ самаго безумнаго изъ одержимыхъ этой болѣзнію. О немъ говорили: «вотъ кому жалко, что у народа римскаго не одна голова; онъ бы отрубилъ ее заразъ».

Мы дожили до новаго Калигулы. Истребительныя средства у него гораздо сильнѣе, чѣмъ были въ древности у римлянъ, и онъ спѣшитъ не только загубить побольше жизней, не слишкомъ различая чужихъ и своихъ, онъ еще хочетъ разموжить голову всему человѣчеству. Его бессмысленныя рабы крушатъ великіе памятники искусства, святыни мысли и вѣры, которыя связываютъ насъ съ прежними поколѣніями, которыя стоятъ живыми документами безсмертія генія человѣческаго.

Первой жертвой новѣйшаго сатанинства стала маленькая Бельгія. Ей современный Калигула предложилъ выборъ между рабствомъ и казнью. Онъ не сомнѣвался, каковъ будетъ отвѣтъ: «развѣ посмѣютъ они? И развѣ захотятъ лавочники, механики, угольщики и другіе жалкіе кропатели рисковать своимъ достояніемъ?» Онъ ошибся. Оказалось,

у этого народа жива одна привязанность, которой нѣтъ болѣе у завоевателей: онъ еще не потерялъ любви къ свободѣ. Тогда грозный императоръ жестоко разгнѣвался и приказалъ разнести Льежъ.

У Вильгельма Гогенцоллерна 450 лѣтъ тому назадъ былъ замѣчательный предшественникъ — Карлъ Бургундскій. Въ учебникахъ его называютъ Карломъ Смѣлымъ, хотя современники собственно прозвали его Безразсуднымъ. Карлъ Бургундскій получилъ Бельгію по наслѣдству и, какъ всѣ его предки, торжественно присягнулъ соблюдать вольности ея городовъ. Онъ не затруднился отмѣнить одну за другой эти вольности, изгналъ всѣхъ, кто смѣлъ сопротивляться ему и приказалъ срыть стѣны крѣпкаго Льежа, чтобы отнять у гражданъ всякую возможность борьбы.

Но эмигранты пробрались въ городъ и началось возстаніе. Карлъ привелъ большое войско наемниковъ и задалъ маленькую кучку героев своими громадными силами. Расправа была самая дикая и безпощадная. Плѣнныхъ, мужчинъ и женщинъ, связывали вмѣстѣ и бросали въ рѣку; кровь текла въ самихъ церквахъ, куда многіе пытались спастись. Карлъ рѣшилъ истребить городъ безъ остатка. Сначала выпустилъ онъ своихъ озвѣрѣвшихъ солдатъ на грабежъ. «Они ржали по добычѣ» — говоритъ разсказчикъ. Солдаты систематически раздѣлили городъ на 4 части. Съ особенной жадностью бросились они на церкви: валили на телѣги драгоцѣнные сосуды, богатые облаченія, ковры, хоругви, подсвѣчники съ алтаря; выламывали изъ иконъ все, что блестѣло, золото и самоцвѣтные камни: коверкали статуи Богоматери и святыхъ. Въ этой отвратительной картинѣ разсказчикъ отмѣчаетъ одну подробность, особенно поразившую его: солдатъ несъ золотой ковчегъ съ освященнымъ хлѣбомъ; вдругъ онъ видитъ, что сосудъ мѣдный и только позолоченъ; тогда съ презрѣніемъ онъ бросаетъ ковчегъ со св. Причастіемъ изъ всѣхъ силъ объ стѣну, и все разсыпается по землѣ.

Давши насытиться солдатамъ, Карлъ приступилъ къ уничтоженію города огнемъ, чтобы разрушить навѣки гнѣздо мятежниковъ. Только церковныя зданія, уже опустошенныя грабителями, должны были остаться. Всѣ дома торговцевъ,

ремесленниковъ, рабочихъ онъ приказалъ сравнять съ землей. Льежъ жгли въ теченіе 7 недѣль. Самое имя города должно было исчезнуть и мѣсто должно было отнынѣ называться Брабантъ.

Совсѣмъ недавно современный намъ бельгійскій историкъ, рассказывая объ этой страшной катастрофѣ 1468 года, замѣтилъ: «Можно сказать, что никогда еще не уничтожали очага культурной жизни такимъ методическимъ способомъ, по всѣмъ правиламъ науки. Карлъ Безразсудный заставилъ поблкнуть славу всѣхъ разрушителей, которые были раньше него». Думалъ ли бельгійскій историкъ, когда писалъ эти строки, что скоро явится еще болѣе дикій истребитель, который систематичностью своей работы и цинизмомъ превзойдетъ Карла Бургундскаго!—Вѣдь Карлъ пощадилъ по какому-то смутному чувству башни, главы и своды церквей. Вильгельмъ Гогенцоллернъ постарался и ихъ снести, чѣмъ дороже людямъ эти чудесные святыя памятники, тѣмъ страшнѣе будетъ ихъ горе, тѣмъ больше торжества Цезареву безумію!

Современникъ Карла Бургундскаго рассказываетъ еще одну сцену, которая послѣдовала за разрушеніемъ Льежа. Карлъ явился въ Брюссель и вызвалъ къ себѣ представителей бельгійскихъ городовъ. «Онъ сидѣлъ на тронѣ—рассказываетъ лѣтописецъ XV вѣка а рядомъ стоялъ дюжій конюхъ и держалъ обнаженную саблю. Граждане Гента должны были подползти къ подножію трона на колѣнкахъ, онъ взялъ ихъ хартіи и грамоты вольностей и разорвалъ на ихъ глазахъ въ клочки. Осталось это зрѣлище въ памяти навѣки и, надо сказать, никогда не было на свѣтѣ ничего подобнаго».

На этотъ разъ ошибся и старинный историкъ! Что мы теперь скажемъ, когда германскій императоръ разорвалъ всѣ договоры, обезпечивающіе Бельгіи неприкосновенность! Между прочимъ, среди этихъ договоровъ есть одинъ настолько любопытный, что стоитъ привести его отрывокъ. Дѣло въ томъ, что не только всѣ европейскія державы обязались соблюдать нейтралитетъ Бельгіи при объявленіи ея независимости, но еще въ одинъ критическій моментъ, именно при началѣ франко-прусской войны въ 1870 году.

Англія приняла особенныя мѣры, чтобы дополнить и укрѣпить старые договоры. Англія сдѣлала это потому, что она боялась, какъ бы противники, Наполеонъ III и Вильгельмъ Прусскій, не стали сводить счеты именно на почвѣ Бельгій, имѣющей несчастье лежать посрединѣ между двумя воюющими силами. Поэтому Англія заключила съ тѣмъ и другимъ отдѣльно условіе не трогать Бельгій, и вотъ, что торжественно обѣщалъ старый Вильгельмъ: «Его Величество король Прусскій, не взирая на войну съ Франціей, твердо рѣшилъ соблюдать нейтралитетъ Бельгій, пока его будетъ соблюдать и Франція»... Слушайте дальше: «Его Величество король Прусскій обѣщаетъ со своей стороны (въ случаѣ нарушенія нейтралитета Франціей) дѣйствовать вмѣстѣ съ Англіей на защиту Бельгій, примѣняя для этой цѣли свои сухопутныя и морскія силы; какъ въ отдѣльности, такъ и сообща съ Англіей, Его Величество обѣщаетъ принять всѣ мѣры къ обезпеченію нейтралитета и независимости Бельгій».

Вотъ какое честное слово было на совѣсти берлинскаго Атиллы, когда его канцлеръ, въ бесѣдѣ съ англійскимъ посланникомъ, рѣшился сказать: «изъ-за этого клочка бумаги вы будете съ нами воевать?»

Вы спросите: за что Бельгія пользовалась нейтралитетомъ?—Въ политикѣ, какъ извѣстно, диктуетъ не великодушіе, а расчетъ, совпаденіе интересовъ. Но надо также сказать, что этотъ энергичный народъ заслужилъ независимость, которую обѣщали признавать сильные его сосѣди.

Нѣтъ страны, которая была бы болѣе работяща и менѣе обезпечена отъ чужой жадности. Такъ было съ самаго начала западно-европейской исторіи. Если вы спросите, гдѣ начался тотъ фабричный трудъ, который мы такъ охотно клянемъ и безъ помощи котораго намъ пришлось бы освѣщать дома лучиной и ходить въ дерюгахъ, то историкъ вамъ, безъ колебанія, укажетъ на Бельгію. Вотъ гдѣ неутомимыя, искусныя руки впервые сдѣлали изъ суровой, шершавой шерсти наше сукно, наши красивыя, прочныя матеріи. Лучшій драпъ вырабатывали фламандцы, т.-е. жители Фландріи или западной Бельгій, по ту сторону вели-

колѣпной рѣки Шельды. Мастерство фламандскихъ сукнодѣловъ долго оставалось непревзойденнымъ.

Хотите ли знать, какъ тому 700 лѣтъ рекламировали суконныя матеріи въ Европѣ? Для этой цѣли ученый монахъ написалъ стихотвореніе подъ заглавіемъ: «О томъ, какъ овца поспорила со льномъ». Забралась овца въ созрѣвшій ленъ и потоптала его. Тогда ленъ обидѣлся и сталъ выхвалять свои достоинства. Овца не осталась въ долгу. «Изъ моего молока — говоритъ овца — фламандцы дѣлаютъ масло и сыръ, изъ жилъ моихъ изготовлены струны гусель, на которыхъ царь Давидъ воспѣвалъ славу Божию. Но самое важное произведеніе, которымъ обязанъ мнѣ свѣтъ, это — сукно, приготовляемое изъ моей шерсти. Есть два сорта сукна — говоритъ овца, т.-е. авторъ рекламы: — гладкое и мохнатое, а по краскѣ различаются сукна натурального цвѣта и искусственно выкрашенные. Самое лучшее крашеное сукно, и мохнатое, и гладкое, настоящее господское платье, работаетъ Фландрія; цвѣта его небесно-голубой, темно-синій и зеленый. Потомъ авторъ называетъ другіе сорта, хуже фламандскихъ. Всего ярче цвѣта французскихъ суконъ, они переливаются во всѣ оттѣнки, совершенно непостоянному характеру этого народа, но даже шелку искусные китайцы не умѣютъ придать столько тоновъ, сколько шерсти придаютъ французы. Англичане, тѣ больше всего любятъ красные цвѣта, малиновый, алыи и огненный, и т. д. и т. д.

Придворные всѣхъ европейскихъ странъ, рыцари, богатые купцы, модники допускали въ своей одеждѣ только фламандское сукно; оно проникало даже на арабскій и турецкій востокъ. Посмотрите когда-нибудь костюмы на картинахъ итальянскихъ или нидерландскихъ художниковъ XV вѣка и обратите особенное вниманіе на одежду мужчинъ: они гораздо ярче и пестрѣ нашего современного черного и сѣраго однообразія; кафтаны и камзолы такъ пластичны, такъ ловко и мягко облегаютъ тѣло, образуютъ такія красивыя складки. Можетъ быть, вы согласитесь со мной, что мужская одежда была тогда гораздо художественнѣе и не уступала въ изяществѣ женской. Чья это была работа? Безъ сомнѣнія, фламандскихъ мастеровъ, которыхъ хо-

чается называть ихъ средневѣковымъ именемъ artisans т.-е. искусникамъ.

Объ этихъ мастерахъ старинной Бельгіи стоитъ сказать еще нѣсколько словъ. Фламандскіе ткачи, валяльщики и красильщики были первой въ Европѣ рабочей группой, которая сознала достоинство своего труда и сумѣла отстаивать независимость своего положенія. Когда на богатые фламандскіе города, Брюгге, Гентъ, Ипернъ, позарился французскій король и двинулъ туда блестящую конницу своихъ рыцарей, выступилъ совершенно безвѣстный ткачъ Конинкъ, малорослый, кривоглазый, тшедушный человѣкъ, и сумѣлъ своей простой рѣчью зажечь толпу. Собралось неслыханное въ то время ополченіе: каждый городъ выслалъ своихъ мастеровъ и рабочихъ въ характерныхъ цвѣтныхъ костюмахъ, синихъ, красныхъ, желтыхъ и бѣлыхъ. Простой народъ одолѣлъ прирожденных воителей: въ соборѣ города Куртрэ ткачи повѣсили нѣсколько тысячъ позолоченныхъ шпоръ, снятыхъ съ побѣжденныхъ рыцарей.

Объ этомъ «днѣ шпоръ» вы прочтете въ руководствахъ, но по всей вѣроятности, вы не найдете тамъ свѣдѣній о другой лучшей и болѣе великой побѣдѣ простолюдиновъ. Когда ткачи, красильщики и другіе мастера вступили въ городской совѣтъ, стали управлять и судить, они вычеркнули изъ уголовного закона смертную казнь и запретили еще одно тяжкое наказанье—изгнаніе изъ отечества. Проникнутые гуманностью, они подумали также объ эмансипаціи трудового люда: въ первый разъ они провели въ своихъ городскихъ правилахъ принципъ: рабочихъ—не рабъ, онъ свободенъ отъ барщины.

Поставщики на всю Европу, законодатели моды въ христіанскомъ мірѣ, фламандскіе сукнодѣлы не замыкались въ своихъ темноватыхъ низкосводныхъ мастерскихъ. Они сумѣли украсить тѣсную городскую жизнь. Тутъ, въ западной Бельгіи впервые были выстроены монументальныя и изящныя городскія ратуши съ открытыми галлереями внизу, съ гордо поднимающейся къ небу башней по срединѣ. Передъ душой на аккуратной четырехугольной площади, гдѣ идетъ торгъ и кипитъ человѣческій муравейникъ.

непрѣмѣнно есть фонтанъ въ видѣ красивой бронзовой или каменной группы.

На своихъ площадяхъ бельгійскіе горожане издавна умѣли устраивать веселые шумные пестрые праздники: то музыкальный или драматическій конкурсъ подъ открытымъ небомъ, то народное шествіе и танцы съ иллюминаціей, то какой-то феерическій спектакль игрушекъ и фокусовъ въ родѣ того, что было представлено на одной придворной свадьбѣ въ XV вѣкѣ. Если вѣрить описанію, изъ Брюсселя въ Брюгге по водѣ привезли большой потѣшный деревянный дворецъ, надъ сооруженіемъ котораго, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, работали сотни мастеровъ и художниковъ изъ всѣхъ бельгійскихъ областей. Тутъ высилась башня въ 40 футъ, а на ней уставлены были большія фигуры обезьянъ, волковъ и кабановъ, которыя рычажи, ревели и голосили на всѣ лады, вертѣлись и плясали по залѣ двигался огромный китъ въ 60 футъ длины, слоны прогуливались среди высокихъ искусственныхъ пальмъ, стоявшихъ въ позолоченныхъ кадкахъ, билъ фонтанъ, выложенный изъ кристалла, и пеликанъ выбрасывалъ струю изъ клюва.

Это описаніе рисуетъ хорошо характеръ тогдашнихъ бельгійцевъ: видна способность къ веселю, почти дѣтскому, видно мастерство, изящество, механическая изобрѣтательность во всемъ, включая игрушки и праздничныя забавы.

Въ героическихъ бояхъ города Бельгіи отстаивали свою независимость: каждый добылъ себѣ свою хартію, свои права и вольности. На маленькой территоріи Бельгіи утвердились народцы, очень непохожіе другъ на друга и по языку, и по характеру, занятіямъ и наклонностямъ. Трудно найти большую противоположность, чѣмъ та, которую представляютъ ширококостные, тяжеловатые, флегматичные, бѣлокурые фламандцы Гента, Иперна, Брюгге и Антверпена, говорящіе на германскомъ нарѣчьи и — съ другой стороны — кипучіе, смуглые, черноволосые валлоны Льежа и Намюра, люди французской рѣчи; а вѣдь они сидятъ рядомъ на территоріи не больше Московской губерніи.

Между независимыми городами Бельгіи бывало не мало треній, и все-таки они привыкли обмѣниваться товарами.

сообщать другъ другу новости своего ремесла и искусства. Когда всѣ бельгійскія области вмѣстѣ съ Голландіей соединили въ своихъ рукахъ бургундскій домъ, онъ былъ вынужденъ слить всѣ отдѣльныя вольности въ одну нидерландскую конституцію: это значило, что страна получила общій парламентъ, и государь обязался не вводить налоговъ безъ согласія народныхъ представителей, замѣщать всѣ должности мѣстными людьми и не держать въ странѣ чужого воиска. Уже тогда, 400 лѣтъ назадъ, Бельгія имѣла то, чѣмъ она такъ гордится теперь, лучшую конституцію въ всей Европѣ.

Новая эпоха наступила для Бельгіи, когда европейцы открыли Америку и проникли на Дальній Востокъ, въ Индію. Бельгія стала теперь центромъ всемірной торговли. Фламандецъ по рожденію, правнукъ разрушителя Льежа, Карла Бургундскаго, Карлъ Габсбургъ, пріобрѣлъ двѣ короны: императорскую въ Германіи и королевскую въ Испаніи, а вмѣстѣ съ послѣдней, обширныя сказочныя владѣнія въ Новомъ Свѣтѣ. Въ провинціяхъ его державы, опоясывавшихъ весь земной шаръ, «никогда не заходило солнце». Изъ всѣхъ подданныхъ Карла V самыми богатыми, искусными и предприимчивыми были его сородичи, бельгійцы. Бельгія была сердцемъ его имперіи, а въ ней первое мѣсто принадлежало Антверпену.

Положеніе этого города—послѣдняго оплота нынѣшней Бельгіи ¹⁾—изумительно. Онъ лежитъ на Шельдѣ, многоводной главной артеріи Бельгіи, близъ ея устья, гдѣ она соединяется съ рукавами Мааса и Рейна, а эти рѣки открываютъ сообщеніе далеко въ глубь материка. Антверпенъ близокъ къ проливу, отдѣляющему материкъ отъ Англіи. Здѣсь же выходъ въ открытое море, въ океанъ; въ антверпенскій портъ устремились суда, привозившія изъ Индіи пряности. Португальскіе моряки, добывавшіе передъ, гвоздику, корицу, мускатъ, которые такъ дорого цѣнились 400 лѣтъ назадъ, были только воителями и шкиперами: они не умѣли продавать свой товаръ; за это уже брались антверпенскіе торговцы.

¹⁾ Сказано 26 сентябрі 1914 года.

Антверпенскіе негоціанты были новымъ типомъ торговыхъ людей въ Европѣ. Прежніе купцы «гостили», владѣли со своимъ товаромъ, имѣли его весь при себѣ. Владѣтели новыхъ фирмъ, денежные люди Антверпена, сидѣли въ своихъ конторахъ, каждый день посылали своихъ агентовъ на биржу, пробѣгали биржевые бюллетени съ показаніемъ цѣнъ, гадали о повышеніи или пониженіи, спекулировали, выдавали и учитывали векселя. Въ Антверпенѣ не было торго старыхъ ярмарокъ товаровъ не выкладывали кучей: можно было только посмотрѣть ихъ образчики. Но зато коммерсанты заключали тутъ огромныя сдѣлки, бѣгали маклера, приторговывались уполномоченные дальнихъ англійскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ фирмъ. Въ Антверпенѣ скопилось много денегъ: здѣсь обмѣнивались монеты всѣхъ европейскихъ странъ, сюда являлись дипломаты, чтобы устраивать большіе государственные займы. Наконецъ, была въ Антверпенѣ и широкая денежная игра, напр., держали пари на рискъ товаровъ, порученныхъ невѣрной морской стихіи.

Для всѣхъ разнообразныхъ сдѣлокъ, для облегченія переговоровъ между коммерсантами, городская дума Антверпена выстроила великолѣпное зданіе биржи, близъ гавани. И слово это Bourse или Beurs, и само учрежденіе впервые возникли въ Бельгіи. Антверпенцы хорошо понимали, какъ необходимо для постановки всемірнаго дѣла широкое гостепріимство. Ихъ девизомъ было: никакихъ стѣсненій для иностранцевъ, никакихъ придирокъ къ нимъ! Недаромъ на биржѣ красовалась надпись: «на пользу купцовъ всѣхъ націй и языковъ».

Международная биржа Антверпена, который можно назвать Лондономъ или Нью-Йоркомъ XVI вѣка, производила особенное впечатлѣніе на посѣтителей тогдашней всевропейской столицы. Старинный поэтъ Даніэль Рожье говорить: «здѣсь слышался смутный говоръ всѣхъ нарѣчій, видна была пестрая смѣсь всевозможныхъ костюмовъ, словомъ, антверпенская биржа казалась малымъ міромъ, въ которомъ соединялись всѣ части большого».

Богатство Бельгіи, успѣхи ея промышленнаго генія, были обыкновенно ея несчастіемъ. Кругомъ болѣе сильныя